

ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Хайдуков А.Г

Гуманитарный институт СФУ

В 2010 г. отмечалось 600-летняя годовщина Грюнвальдской битвы. В отечественной историографии давно и прочно укрепилась положительная оценка результатов сражения под Грюнвальдом. Однако при непосредственном рассмотрении итогов Грюнвальдской битвы и их значения для Русского государства возникают обоснованные сомнения в справедливости подобной оценки. Принято считать, что разгром Тевтонского ордена остановил экспансию на восток, что соответствовало геополитическим интересам Московского государства. Авторы в настоящей статье предпринимают попытку подвергнуть критическому анализу эту устоявшуюся оценку и ставят вопрос: насколько выгоден был разгром Тевтонского ордена для Московской Руси. В отечественной и зарубежной историографии существуют различные точки зрения на результаты Грюнвальдской битвы. Оценивая итоги Грюнвальдской битвы, авторы приходят к выводу о том, что с геополитической точки зрения это событие имело для Москвы скорее негативные, нежели позитивные последствия.

В отечественной и зарубежной историографии существуют различные точки зрения на результаты Грюнвальдской битвы.

Объективно, учитывая тяжёлые последствия для Тевтонского ордена итогов сражения, оценивают Грюнвальдскую битву немецкие историки (Oehler, 1910; Biskup, 1993). Сугубо положительно, что, в общем, и понятно, оценивали итоги Грюнвальдской битвы польские историки (Kuczenski, 1955; Nadolski, 1996). В работе известного литовского историка Э. Гудавичуса «История Литвы» также содержится положительная оценка итогов Грюнвальдской битвы для Польши и Литвы, с той лишь разнице, что, по его мнению, решающий вклад в разгром Ордена внесли литовские полки. При этом Э. Гудавичус явно умаляет роль русских хоругвей в сражении (Гудавичус, 2005). Современный белорусский исследователь И. Литвин в целом солидарен со своими польскими и литовскими коллегами в общей оценке Грюнвальдской битвы. При этом он поддерживает точку зрения Э. Гудавичуса о решающем вкладе литовских хоругвей в разгром немецких рыцарей, но, в отличие от него, не умаляет роль в сражении русских полков (Литвин, 2007). Таким образом, в зарубежной историографии, несмотря на различие в оценках вклада в победу литовских, польских и русских войск, итоги Грюнвальдской битвы рассматриваются как сугубо положительные. Следует заметить, что разницу в оценках хода и итогов Грюнвальдской битвы можно проследить уже в работах средневековых польских и литовских историков (Длугош, 1962).

Интересно, что Грюнвальдской битве и её итогам для Руси отечественными историками не уделялось должного внимания. Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский практически обходят стороной события Грюнвальдской битвы. С. М. Соловьёв лишь вскользь упоминает о Грюнвальдском сражении (Соловьёв, 1993). Положительно оценивал значение Грюнвальда для Руси известный русский историк Михаил Клавдиевич Любавский (Любавский, 2004). Той же точки зрения придерживался известный специалист в области русского средневековья Михаил Николаевич Тихомиров (Тихомиров, 1999). Как результат сложного взаимодействия Литвы и Польши, обусловленного геополитической ситуацией в Восточной Европе, оценивает Грюнвальдскую битву современный отечественный историк Б. Флоря (Флоря, 2010).

В 1409 г. Великое княжество Литовское начало войну против Тевтонского ордена, стремясь вернуть себе Жемайтию – область, заселённую литовцами. Таким образом,

инициаторами конфликта выступила именно Литва. Исходя из этого, можно поставить под сомнение тезис о стремлении Тевтонского ордена развязать агрессию в отношении славянских земель. На стороне Великого княжества Литовского в войну вступила Польша, король которой Владислав II Ягеллон приходился двоюродным братом великому князю литовскому Витовту. 15 июля 1410 г. на поле возле деревни Грюнвальд в Пруссии сошлись в генеральном сражении войска Тевтонского Ордена и польско-литовские силы. Тевтонскими войсками командовал гроссмейстер ордена Ульрих фон Юнгинген, объединённое польско-литовское войско возглавлял польский король Владислав II Ягеллон, который был также командующим польских отрядов. Литовскими отрядами командовал великий князь литовский Витовт. Войска братьев состояли в значительной мере из населения завоёванных Польшей и Литвой русских земель. Польские войска, кроме собственно польских частей, включали полки «земли Подольской», «земли Галицкой», «земли Перемышльской» и др. (Длугош, 1962). Из 40 литовских полков, 36 – полки Гродненский, Полоцкий, Оршанский, Витебский, Киевский, Пинский, Брестский, Кременецкий и многие другие были сформированы на русских землях, захваченных Литвой в XIII – XIV вв. (Длугош, 1962). Среди этой массы совершенно затерялись полки, сформированные из жителей Стародубского и Смоленского княжеств. На стороне поляков и литовцев в битве участвовали и татарские отряды под командованием старшего сына Тохтамыша – Джелал-эд-дина (Тихомиров, 1999). По сути, в 1410 г. против Тевтонского Ордена выступила старая литовско-татарская коалиция, знакомая нам ещё по 1380 г. Теперь старые союзники выступили против Ливонского Ордена. К ним только добавилось Польское королевство, а место Рязани заняли Смоленск и Стародуб.

В ходе битвы войска Тевтонского Ордена потерпели сокрушительное поражение. Причём, как известно, не последнюю роль в победе польско-литовского войска сыграли именно смоленские полки, выдержавшие натиск тяжёлой немецкой кавалерии, когда основная часть литовских войск отступила под ударами немцев (Длугош, 1962). Результаты сражения оказались для Тевтонского Ордена катастрофичными. Погибло практически всё руководство Ордена, включая великого магистра. Из 400 – 450 рыцарей погибла половина, многие попали в плен. Всего потери ордена насчитывали около 13 000 человек (Длугош, 1962). Однако начавшаяся осада главной резиденции Ордена – замка Мариенбург, окончилась неудачей. Польско-литовские войска не смогли взять крепость и отступили после непродолжительной осады. 1 февраля 1411 г. был заключён Торунский мир, по которому Тевтонский орден уступал Великому княжеству Литовскому Жемайтию, Польскому королевству – Добжинскую землю и выплачивал контрибуцию (Длугош, 1962). Несмотря на относительно мягкие условия мирного договора, силы Ордена были подорваны и он так и не смог больше никогда восстановить свои позиции в регионе, что традиционно воспринимается отечественными историками как победа миролюбивых славян над агрессивными немцами. Нам, однако, представляется несомненным только то, что для Польши и Литвы разгром Тевтонского ордена имел большое положительное значение.

Но была ли победа поляков и литовцев над тевтонскими рыцарями выгодна Московскому государству с геополитической точки зрения? Попробуем разобраться в этом непростом вопросе, тем более, что в современной отечественной историографии последствия Грюнвальдской битвы оцениваются исключительно положительно.

С середины XIII в. ослабленные междоусобицами и монгольской агрессией русские земли начали переходить под контроль молодого, но быстро усиливавшегося Литовского государства. Ещё при первом литовском князе Миндовге в середине XIII в. под контроль Литвы отошли земли Чёрной Руси и Полоцкое княжество. Захват русских земель Литвой продолжался и при его преемниках. Особенно преуспел Гедимин, которому в первой половине XIV в. удалось захватить практически всю территорию современной Белоруссии – Полоцкое, Минское, Пинское, Туровское и Витебское княжества. Попал в зависимость от Литвы и Смоленск. Следующий литовский князь Ольгерд захватывает уже всю

территорию современной Украины – земли княжеств Черниговского, Новгород-Северского, Киевского, а также Подолию (Любавский, 2004). Ольгерд неоднократно предпринимал попытки захватить Москву, что означало бы окончательное установление власти Литвы на всех русских землях. Однако походы на Москву, предпринимавшиеся в 1368, 1370 и 1371 гг. закончились для литовцев неудачей. Интересно, что в составе литовских войск были и отряды смоленского князя Святослава Ивановича и тверского Михаила Александровича. Осаждая Москву в 1368 и 1370 гг., литовское войско было вынуждено снимать осаду, в том числе и из-за опасения, что тевтонские рыцари могут воспользоваться уходом литовские войска ушли на восток и нанести удар по самой Литве. В 1380 г. татары, литовцы и рязанцы вновь были готовы объединить усилия для разгрома Московского княжества. И опять угроза со стороны Тевтонского ордена не позволила литовским войскам принять участие в Куликовской битве на стороне Золотой Орды. Это позволило московскому князю Дмитрию Ивановичу одержать победу и сделать Москву безальтернативным лидером в процессе объединения русских земель. Тем не менее, граница между Литвой и Московским княжеством проходила восточнее Калуги, и литовские князья не оставляли надежды провести её ещё восточнее. Московские князья, особенно Василий I и Василий II, были вынуждены проводить гибкую политику, маневрируя между Литвой, Ордой, Тевтонским Орденом, стараясь нейтрализовать литовскую угрозу. В 1404 г. Литва окончательно захватила Смоленское княжество. В 1406 – 1408 гг. между Великим княжеством Литовским и Москвой шла война, причиной которой было стремление Литвы захватить Новгород и Псков. И вновь только обострение отношений Литвы с Тевтонским Орденом и Золотой Ордой позволило Москве удержать эти города в своей сфере влияния.

К началу XV в. огромное, сильное, агрессивное государство – Великое княжество Литовское фактически стояло в шаге от того, чтобы установить контроль над всеми русскими землями и уничтожить ещё слабые на тот момент ростки русской государственности. Именно Литва, по мнению авторов, была на тот момент главным врагом Московской Руси, а не погрязшая в междоусобных распрях и ослабевшая Золотая Орда.

Москва была жизненно заинтересована в ослаблении Великого княжества Литовского. Поражение польско-литовско-ордынских войск в «Великой войне» с Ливонским орденом позволило бы Москве возможность резко укрепить своё положение. Причём речь здесь, естественно, не идёт речь о каких-либо союзнических отношениях или осознании общих целей и единства интересов у великих князей московских и магистров Тевтонского Ордена. Просто на тот момент сложилась определённая геополитическая ситуация, в рамках которой Московское государство и Тевтонский Орден имели общих врагов – Великое княжество Литовское и Польское королевство, так же, как общим врагом Литвы и Золотой Орды была Москва.

В этой ситуации нельзя однозначно рассматривать участие смоленских полков в Грюнвальдской битве. По сути, они были вынуждены выступить на стороне Польши и Литвы только потому, что Смоленск и Стародуб были на тот момент захвачены Литовским государством.

Значение поражения Тевтонского Ордена в Грюнвальдской битве принято связывать с прекращением немецкой экспансии на славянские земли. Однако к началу XV в. Тевтонский Орден уже не представлял существенной угрозы для славянских государств. С военной точки зрения орден уже не обладал той силой, которую он имел в XIII – XIV вв., которая позволяла ему вынашивать агрессивные планы в отношении славянских земель. Новое соотношение сил в регионе заставило Орден перейти от политики к экспансии к обороне. Одним из примеров этого было то, что с чешским королём Венцеславом в это время Орден поддерживал самые дружественные отношения, а значительная часть чешских и моравских рыцарей приняла участие в Грюнвальдской битве на стороне Ордена, так же, впрочем, как и лужичан, поморян, кашубов (Длугош, 1962). Граница

Ордена с русскими землями к тому моменту также была стабильна уже в течение нескольких десятилетий. А вот Литва, наоборот, непрерывно предпринимала одну за одной попытку расширить свою и без того огромную территорию за счёт русских земель. Да, впрочем, не только русских. Здесь уместно вспомнить, что «Великую войну» против Тевтонского Ордена в 1409 г. развязала именно Литва. До этого Великое княжество Литовское в 1406 – 1408 гг. вело войну с Новгородом, Псковом и Москвой, стремясь заполнить псковские земли. Кроме того, с 1396 г. по 1404 г. Литва стремилась захватить Смоленск и, в конце концов, захватила его. В этих условиях Тевтонский орден, как мы понимаем, невольно стал геополитическим союзником Московского государства. Действовал старый закон – враг моего врага – мой друг. По сравнению с Литвой, Тевтонский Орден не представлял для русских земель заметной угрозы. Как говорилось ранее, граница с ним стабилизировалась ещё в середине XIII в., а предпринимавшиеся Орденом редкие и вялые попытки «прощупать» оборону Новгорода и Пскова, успешно отражались дружинами этих городов.

А что если бы Грюнвальдская битва закончилась победой Тевтонского Ордена, хотя мы знаем, что история не имеет сослагательного наклонения? Очевидно, в этом случае, Литва и Польша были бы значительно ослаблены, возросла бы угроза для этих государств со стороны Ливонского ордена. Это заставляло бы их отвлекать значительные силы от борьбы с Москвой за контроль над западными русскими землями. В результате в начале XV в. Литва могла оказаться в ситуации, аналогичной той, в которой оказалась Речь Посполитая в конце XVIII в. Проиграй поляки и литовцы битву под Грюнвальдом и «литовский пирог» могли бы делить Московская Русь, Тевтонский Орден и та же Польша. Напрашивается аналогия раздела Речи Посполитой между Российской империей, Пруссией и Австрией. Получив в начале XV в. результате стихийного раздела (об организованном разделе речь, очевидно, не могла идти) земли, скажем, восточнее Днепра, Москва могла бы значительно усилить свой военный, экономический и геополитический потенциал. Это позволило бы гораздо раньше сбросить ордынское иго, и объединить земли «дедич и отчич» ещё до того, как произойдёт распад единого культурного и этнического древнерусского поля. Победа Литвы и Польши под Грюнвальдом сделали такой вариант развития событий невозможным. В результате Московская Русь, Россия была вынуждена на протяжении пяти столетий вести тяжёлую кровопролитную борьбу за объединение русских земель, не замечая, что их население уже утратило общерусскую идентичность и воспринимает бывших братьев с всё возрастающей враждебностью. Время, когда можно было объединить осколки единого некогда древнерусского народа, за эти столетия ушло безвозвратно.

В чём причина того, что на протяжении веков в отечественной историографической традиции безраздельно господствует сугубо положительная оценка итогов Грюнвальдской битвы, при всей их неприемлемости для Московской Руси? По всей видимости, этому есть несколько основных причин. Во-первых, в основе подобных взглядов, очевидно, лежит традиционное восприятие Ливонского ордена как абсолютного врага, не только военного, но и религиозного, стремящегося огнём и мечём навязать православной Руси католичество. Новгород и Псков столетиями противостояли рыцарям-католикам, и во многом традиционное их восприятие жителями этих городов сформировало однозначно негативное отношение к Тевтонскому Ордену. Не последнее место в формировании этой традиции играет и то, что Ордену противостоял весьма почитаемый на Руси святой Александр Невский. На этом фоне Литва, где православие достаточно долго удерживало прочные позиции, воспринималась как меньшее зло, хотя на деле именно в Великом княжестве Литовском католичество было силой навязано значительному количеству русского православного населения. Очевидно, формирование положительного, в сравнении с Орденом, отношения к Литве играло и то, что значительная часть русской

аристократии была литовского происхождения. Знатностью, статусностью русские «гедеминовичи» уступали только «рюриковичам».

В XVI в. негативное отношение к Тевтонскому (Ливонскому) Ордену было закреплено тяжёлой, длительной, и, главное, неудачной Ливонской войной.

В XIX – XX вв. антинемецкая направленность отечественной исторической науки, мешавшая объективно оценить значение Грюнвальдской битвы, была связана с распространившимися славянофильскими взглядами. Не последнюю роль играли здесь и антиправительственные настроения, характерные для либеральной интеллигенции. Правящая династия, скорее немецкая по происхождению, чем русская, опирающаяся в значительной мере на консервативное остзейское дворянство – потомков ливонских рыцарей, могла восприниматься как традиционный враг свободолюбивых славянских народов, прежде всего поляков, борющихся за свободу и независимость против «деспотической монархии».

XX век, с его двумя кровопролитными войнами, в которых Россия воевала против Германии, способствовал окончательному закреплению стереотипа, который можно сформулировать так: «всё немецкое плохо, враги Германии наши друзья». Как всякий стереотип, он мешает объективно оценить реальные события. Очевидно, сегодня пришло время трезво, взвешенно, объективно оценить значение Грюнвальдской битвы для русской истории. Отмечавшийся в 2010 году её 600-летний юбилей должен стать для этого хорошим поводом.

Литература и источники

1. Э. Гудаевичус. История Литвы до Люблинской унии 1569 г. В 2 т. Т 1. М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 2005.
2. Я. Длугош. Грюнвальдская битва. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
3. И. Литвин. Затерянный мир или малоизвестные страницы белорусской истории. Минск: Харвест, 2007.
4. М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004.
5. С. М. Соловьёв. Об истории древней России. М.: Наука, 1993.
6. М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. XI – XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV – XV вв. М.: Наука, 1999.
7. Хроника Литовская и Жмойтская, ПСРЛ. Т. 32. М.: Наука, 1966.
8. Б. Флоря. «Путь к Грюнвальду», Родина, 7 (2010), 3 – 8.
9. M. Biskup. Das Echo der Tannenbergschlacht und der Belagerung Marienburgs im deutschen Zweigs des Deutschen Ordens im Sommer 1410 // Beiträge zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bd. 2. Marburg. 1993.
10. S. M. Kuczynski. Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409 – 1411. Wyd. I. Warszawa. 1955.
11. A. Nadolski. Grunwald 1410. Warszawa. 1996.
12. M. Oehler. Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Litauen. Elbing. 1910.